

ЛЕПЕЛЬСКАЯ ШЛЯХТА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

С. Л. ЛУГОВЦОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Вопрос о распределении белорусской шляхты по городам, местечкам и сельским населенным пунктам остается малоизученным в белорусской историографии, а конкретные данные об уровне ее мобильности отсутствуют в научной литературе, что обуславливает актуальность проведенного исследования. Целью статьи является выяснение местожительства шляхтичей Лепельского уезда Витебской губернии Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. и определение уровня их мобильности. На основании анализа уездного списка шляхты Лепельского уезда Витебской губернии сделаны следующие выводы: земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни, околицы и застенки (около 77 % шляхтичей уезда); около 4 % шляхтичей проживали в местечках; удельный вес шляхтичей-горожан составлял приблизительно 3 %; в помещичьих имениях проживали 11 % лепельских шляхтичей. Среди населенных пунктов, расположенных в сельской местности, в Лепельском уезде реже всего встречались околицы. Численность жителей застенков, как правило, не превышала 20 человек. По объективным причинам выяснить местожительство 5 % шляхтичей уезда не удалось. Лепельская шляхта отличалась высоким уровнем мобильности: в период с 1795 по 1819 г. не менее 24 % шляхтичей изменили свое местожительство, что серьезно затрудняло учет этой категории населения в Российской империи. Шляхтичи меняли местожительство в первую очередь в поисках более выгодных условий аренды земли, службы в помещичьих имениях, а также по семейным обстоятельствам.

Ключевые слова: шляхта; местожительство; мобильность; Лепельский уезд; Витебская губерния; Российская империя.

ЛЕПЕЛЬСКАЯ ШЛЯХТА НА МЯЖЫ XVIII–XIX стст.

С. Л. ЛУГАЎЦОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Пытанне аб размеркаванні беларускай шляхты па гарадах, мястэчках і сельскіх населеных пунктах застаецца малавывучаным у беларускай гістарыяграфіі, а канкрэтныя звесткі пра ўзровень яе мабільнасці адсутнічаюць у навуковай літаратуры, што абумоўлівае актуальнасць дадзенага даследавання. Мэтай артыкула з’яўляецца высвятленне месцажыхарства шляхціцаў Лепельскага павета Віцебскай губерні Расійскай імперыі на мяжы XVIII–XIX стст. і вызначэнне ўзроўню іх мабільнасці. На падставе аналізу павятовага спіса шляхты Лепельскага павета Віцебскай губерні зроблены наступныя высновы: земляробства, як аснова жыццядзейнасці шляхты, вызначыла ў якасці асноўных месцаў пражывання яе прадстаўнікоў вёскі, ваколіцы і засценкі (каля 77 % шляхціцаў павета); каля 4 % шляхціцаў Лепельскага павета пражывалі ў мястэчках; удзельная вага шляхціцаў-гараджан складала каля 3 %; у памешчыцкіх маёнтках жылі 11 % лепельскіх шляхціцаў. Сярод населеных пунктаў, размешчаных у сельскай мясцовасці, радзей за ўсё ў Лепельскім павеце сустракаліся ваколіцы. Колькасць жыхароў засценкаў, як правіла, не перавышала 20 чалавек. Па аб’ектыўных прычынах высветліць месцажыхарства 5 % шляхціцаў павета не ўдалося. Лепельская шляхта адрознівалася высокім узроўнем мабільнасці: у перыяд з 1795 па 1819 г. не менш за 24 % шляхціцаў змянілі сваё месцажыхарства, што сур’ёзна ўскладняе ўлік гэтай катэгорыі насельніцтва ў Расійскай імперыі. Шляхціцы мянялі месцажыхарства ў першую чаргу ў пошуках больш выгадных умоў арэнды зямлі, службы ў памешчыцкіх маёнтках, а таксама па сямейных абставінах.

Ключавыя словы: шляхта; дваранства; месцажыхарства; мабільнасць; Лепельскі павет; Віцебская губерня; Расійская імперыя.

Образец цитирования:

Луговцова С.Л. Лепельская шляхта на рубеже XVIII–XIX вв. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;2:47–56.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-47-56>.

For citation:

Lougovtsova S.L. Lepel district gentry at the turn of 18th–19th centuries. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;2:47–56. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-47-56>.

Автор:

Светлана Леонидовна Луговцова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Svetlana L. Lougovtsova, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.
sv.lougovtsova@gmail.com

LEPEL DISTRICT GENTRY AT THE TURN OF 18th–19th CENTURIES

S. L. LOUGOVTSOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The question of the distribution of the Belarusian gentry in cities, towns and rural settlements is poorly understood in Belarusian historiography. Specific data on the level of mobility of the Belarusian nobility are missing in the scientific literature. This determines the relevance of this study. The aim of the article is to clarify the place of residence of the Lepel district gentry of the Viciebsk province of the Russian Empire at the turn of 18th–19th centuries and to determine their level of mobility. The author of the article on the basis of archival sources comes to the following conclusions. Agriculture was the basis of the gentry's activities, it identified as the main places of residence of its representatives villages, «okolitsy» and «zastenki» (about 77 % of the gentry of the Lepel district). About 4 % of the gentry of the Lepel district lived in townships. The proportion of gentry in towns was about 3 %. In the landed estates lived about 11 % of the Lepel district gentry. The «okolitsy» met most rarely in Lepel district among the settlements located in the countryside. The gentry changed their place of residence, first of all, in search of more favorable conditions for the lease of land, service in landlord estates, as well as for family reasons. The population of «zastenki», as a rule, did not exceed 20 people. For objective reasons, it was not possible to find out the place of residence of 5 % of the gentry of the district. Szlachta of the Lepel district was distinguished by a high level of its mobility: in the period from 1795 to 1819, at least 24 % of the gentry changed their residence, which seriously hampered the registration of this category of population in the Russian Empire.

Keywords: gentry; nobility; residence; mobility; Lepel district; Viciebsk province; Russian Empire.

Введение

Данная статья является продолжением ряда публикаций, в которых дается характеристика шляхты Лепельского уезда Витебской губернии Российской империи на основании анализа уездного списка членов благородного сословия. В список включены 3426 человек. Документ озаглавлен «Именные списки Лепельского повета о дворянах, проживающих на землях собственных – закладных – арендных, и служащих, учиненные из поданных от них ведомостей в Лепельскую ревизионную комиссию в 1816 г.»¹. Однако его содержание не соответствует заглавию. Во-первых, в списке встречается информация, которая относится к 1817–1819 гг., соответственно, его можно датировать 1819 г. Во-вторых, в перечень включена только шляхта, т. е. наименее обеспеченные представители благородного сословия Лепельского уезда.

В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии употребления терминов «дворянин» и «шляхтич». Как правило, к категории «дворяне» относили лиц, которые находились на военной или гражданской службе (или были в отставке), имели право участвовать в дворянских выборах по замещению должностей в системе местного управления, владели землей и крепостными крестьянами, что позволяло вести образ жизни, приличный благородному происхождению. Ключевым параметром, в соответствии с которым представитель благородного сословия в Лепельском уезде включался в список дворян или

шляхты, являлось право принимать участие в дворянских выборах и замещать должности в системе местного управления. В соответствии с указом от 3 (15) марта 1805 г. Александра I избирать и быть избранными могли только те дворяне, которые имели недвижимое имение (по праву потомственному, пожизненному или заставному), состоящее не менее чем из 8 дымов и приносящее не менее 150 руб. годового дохода². Накануне очередных дворянских выборов 1824 г. в уезде были составлены списки избирателей³, причем в них отсутствуют те шляхтичи, которые внесены в рассматриваемый документ.

Таким образом, в списке 1819 г. речь идет именно о наименее состоятельной прослойке высшего сословия, а не обо всех дворянах Лепельского уезда. Документ содержит следующую информацию:

- 1) наличие/отсутствие у шляхтичей земли и ее количество;
- 2) род деятельности шляхтичей;
- 3) состав семей, включая лиц женского пола;
- 4) местожительство шляхтичей;
- 5) участие (или неучастие) в 5-й ревизии 1795 г.;
- 6) изменения местожительства со времени окончания 5-й ревизии;
- 7) наличие/отсутствие документов о благородном происхождении.

Названные параметры позволяют сформировать исторический портрет лепельской шляхты на рубеже XVIII–XIX вв. В предыдущих публикациях

¹Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94.

²Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. Т. 28. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Его Имп. Величия Канцелярии, 1830. С. 883–884.

³НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–60.

автором было выяснено, что основой жизнедеятельности лепельских шляхтичей являлось земледелие (от непосредственного сельскохозяйственного труда до управления имениями). В традиционном кругу сельской жизни находилось 88,5 % представителей сословия. Лепельские шляхтичи владели землей по праву собственности (13,2 %), закладному (29,9 %) и арендному праву (32,6 %) [1, с. 21–22]. Закладным, или заставным, владением именовались земли, отданные за долг в его обеспечение. Доход, получаемый от эксплуатации такого имения, рассматривался обычно как процент от долговой суммы. Если залоговое имение по истечении договорного срока и льготного годового не выкупалось, то оно переходило в собственность кредитора [2, с. 20]. Среднее количество земли в расчете на одного человека составляло для собственников земли 0,3 волаки⁴, для владельцев по закладному праву – 0,2 волаки, для арендаторов – 0,1 волаки. Почти четверть представителей благородного сословия рассматриваемого уезда (24,3 %) земли не имели⁵.

Шляхтичи и члены их семей, которые служили у частных лиц и церковных организаций, составляли вместе с членами семей в Лепельском уезде 9,7 %. Среди служебной шляхты Лепельского уезда преобладали экономы, писари, лесничие и ловчие. Численность шляхтичей, находившихся на государственной (гражданской и военной) службе и, соответственно, тесно связанных с работой российского государственного аппарата, в Лепельском уезде была незначительной и составляла око-

ло 1,5 % (вместе с членами семей шляхты данной категории)⁶. Также было установлено, что всего около 55 % шляхтичей уезда в 1819 г. подтвердили свое участие в 5-й ревизии в Российской империи 1795 г. Шляхтичи, как лица неподатного состояния, в ходе ревизии самостоятельно подавали посемейные списки. По разным причинам почти половина из малоимущих представителей высшего сословия на Лепельщине этого не сделали⁷.

На основании классификации семейных форм, которую предложили П. Леслетт и Ю. Хэмел [3, с. 74–108], была также проанализирована брачная структура и структура семейных хозяйств шляхты Лепельского уезда. Особенностью брачной структуры лепельской шляхты является большое количество холостых мужчин (17,5 % в возрасте 50–59 лет) и практически полное отсутствие незамужних женщин в том же возрасте (1 %). Средний возраст вступления в брак для мужчин составил 30,9 года, для женщин – 22,1. В структуре семейных хозяйств преобладала простая нуклеарная семья (51,8 %). Кроме того, довольно высокой была численность тех, кто вел хозяйство в одиночку (15 %). В среднем одно домохозяйство состояло из 4,5 человека [4, с. 113–118].

Целью данной статьи является выяснение местожительства лепельских шляхтичей на рубеже XVIII–XIX вв. и определение уровня их мобильности. В рамках исследования устанавливается, как часто и по каким причинам шляхтичи меняли места своего проживания.

Результаты и их обсуждение

Полный состав шляхты Лепельского уезда Витебской губернии представлен в табл. 1.

Земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни, околицы и застенки. Как правило, в деревнях, принадлежащих разным помещикам, шляхтичи арендовали землю. Встречаются также сведения о шляхтичах, которые проживали в деревнях, но не имели земли, являлись слугами более обеспеченных людей. Так, Иосиф Альхимович (35 лет) был «на услужении» у дворянина Якова Гижицкого (фамилия указана неразборчиво)⁸. То же сказано о семье Бутевичей в составе Семена (50), его жены Уршули (40) и 3 детей, проживавших в д. Кривцы помещика Пржисецкого при шляхтиче Петрище⁹. Служить можно было не только частному лицу. Так, Стефан Верниковский (51) с женой Розалией (40) и сыном Фадеем (18)

жили в д. Заболотье при местной церкви «на услужении»¹⁰.

На территории Беларуси околицами и застенками назывались сельские поселения, в которых проживала шляхта, что отличало их от крестьянских сел и деревень. Как правило, застенки были самыми малочисленными населенными пунктами. Их жители часто происходили из одного рода и носили ту же фамилию. Околицы чаще населяли шляхтичи разных родов.

Среди более 120 шляхетских застенков Лепельского уезда самыми многочисленными являлись Бартошино (проживали 18 человек), Близнецы (24), Будзковщина (20), Бусово (15), Быковщина (17), Волинцы (19), Дроздовщина (10), Крупники (15), Медведовка (23), Остров (16), Рыбаки (16), Селигоры (20), Судзиловичи (17), Усовщина (12).

⁴Волака – единица измерения площади, равная 21,36 га, или 19,4 десятины.

⁵НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 129. Л. 21–22.

⁶Там же. Л. 22–23.

⁷Там же. Л. 19–21.

⁸Там же. Д. 94. Л. 1 об. – 2.

⁹Там же. Л. 12–13.

¹⁰Там же. Л. 19–20.

Таблица 1

Половозрастной состав шляхты Лепельского уезда 1819 г.

Table 1

Age and sex composition of the Lepel district gentry, 1819

Возрастная группа, лет	Численность шляхты, чел.			Доля в общей численности, %		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Лиц обоего пола
До 1 года	26	18	44	1,3	1,3	1,3
1–4	201	167	368	10	11,8	10,7
5–9	223	196	419	11,1	13,9	12,2
10–14	223	153	376	11,1	10,8	11
15–19	220	153	373	10,9	10,8	10,9
20–29	371	295	666	18,4	20,9	19,4
30–39	273	215	488	13,6	15,2	14,3
40–49	199	116	315	9,9	8,2	9,2
50–59	147	70	217	7,3	5	6,3
60–69	83	20	103	4,1	1,4	3
70–79	35	9	44	1,8	0,6	1,3
80–89	8	2	10	0,4	0,1	0,3
90–	3	0	3	0,1	0	0,1
Итого	2012	1414	3426	100	100	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты¹¹.

К сожалению, не все названия застенков написаны в документе разборчиво. Ниже приведен список только тех шляхетских застенков, в названии которых нет сомнений: Апанасковичи, Бабий Бор, Бобынич, Боровня, Булоевщизна, Вальковщизна, Валюки, Витковщизна, Высокая Колодиста, Глинники, Городец, Горово, Гусаки, Гумище, Долгий Бор, Журавня, Заболотье, Загорщина, Закутье, Залужье, Заозерье, Заречье, Зашинники, Златогоры, Златковщизна, Калево, Качаново, Клящицы, Ковалевщизна, Комки, Кугачин, Кулешов, Лавейчин, Леоновщизна, Линовец, Лубени, Маковье, Малюки, Муравейники, Новополье, Павлищизна, Перелог, Поддубно, Пугачи, Пунищи, Ракутин, Ржавец, Речица, Рыпинщизна, Рыбинец, Садковщизна, Совины, Старая Вабомня, Староселье, Стельмахи, Студёнка, Сызовщизна, Травники, Турище, Усовщизна, Фарнаполье, Шабовщизна, Шарипин, Шешковщизна, Шляхщизна.

Как правило, в застенках шляхтичи арендовали небольшие участки земли. Например, Игнатий Герватовский (30 лет) с женой Агатой (28) и 2 дочерью арендовал 1 волоку земли в застенке Боровня помещика Цехановецкого. Причем с Игнатием жили также его родные братья Франтишек (19), Феликс (17) и Викентий (15), оставшиеся без

попечения родителей¹². Реже встречались родственники земли, причем ее количество также было невелико. Например, вместе с семьей Петра Голубицкого, состоявшей из 5 человек, жили семьи его племянников Франтишка (4 человека) и Михаила (холост), а также 3 его двоюродных брата, оставшихся сиротами. На всех перечисленных 13 человек приходилось 0,25 волюки земли¹³. На этом фоне весьма обеспеченной выглядит семья Валериана (60 лет) и Венедикты (45) Вейтко, у которых на 9 человек приходилось 2,5 волюки собственной земли в застенке Гвоздово, а также семья родного брата Валериана Ивана Вейтко (55 лет) в составе 6 человек, которая имела 1 волюку в застенке Будзковщизна¹⁴.

В списке шляхты за 1819 г. удалось обнаружить только 4 околицы: Волчково (6 человек), Мысливцово (20), Толковщизна (14) и Череповщизна (7). В Лепельском уезде околицы, как и застенки, являлись небольшими малонаселенными пунктами. Возможно, природно-географические условия Лепельщины не способствовали появлению крупных шляхетских поселений. В околицах проживали, как правило, родственники. Так, в Череповщизне жили 2 семьи Спиридовичей: Андрея (60 лет) и Магдалены (40) с дочерью Малгожатой (7), а также родного

¹¹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–206.

¹²Там же. Л. 38–39.

¹³Там же. Л. 32–33.

¹⁴Там же. Л. 24–25.

брата Андрея Франтишка Спиридовича (46) и его жены Розалии (30) с дочерью Анелей (9) и сыном Михаилом (5). Две семьи имели 1 волоку земли по закладному праву¹⁵. В окрестности Мысливцово проживало на собственной земле несколько семей Самуйло, в том числе Клеофаса (40) и Фелицианы (27) с 2 сыновьями, Викентия (45) и Аксиньи (28) с 4 детьми¹⁶. Можно предположить, что небольшое количество пахотной земли в Лепельском уезде, вкрапление ее малыми наделами среди лесных и водных массивов приводило к формированию небольших по территории и малочисленных населенных пунктов. Пахарь селился там, где это позволяла ему местная природа.

Иногда содержание рассматриваемого списка 1819 г. ставит исследователя в тупик. Например, относительно семьи Яцька (40 лет) и Розалии (26) Самуйло с сыном Станиславом (1) и дочерью Петронелей (2) сказано, что они имеют 1 волоку собственной земли «в окрестности Молине или Мысливцово»¹⁷. Трудно понять, что имел в виду автор списка: один и тот же населенный пункт мог называться разным образом или не было известно, в каком именно населенном пункте эта земля находилась? Второе предположение кажется наименее убедительным. Для шляхтичей владение землей имело большую ценность не только как источник материального обеспечения, но и в качестве подтверждения благородного происхождения. Выяснение местожительства шляхты затрудняется также существованием в одном уезде населенных пунктов с одним названием. Например, в Лепельском уезде, кроме окрестности Волчково, существовала также д. Волчково.

В помещичьих имениях шляхтичи проживали по разным причинам. Можно выделить 3 основные группы такой шляхты: 1) собственники земли или владельцы земельных участков по закладному и арендному праву; 2) шляхтичи, которые находились на содержании владельца; 3) шляхтичи, служившие в имениях на разных должностях.

К первой группе принадлежат вдовец с 3 детьми Игнатий Видмонт (43 года), который имел в фольварке Запрудье помещицы Селицкой в закладе 2 волюки земли¹⁸, семья Антона Вишневого (40 лет) в составе 8 человек, имевшего 6 волок собственной земли в фольварке Тарговщина¹⁹. Отдельно выделяются 2 обеспеченные семьи, внесенные в список 1819 г. по Лепельскому уезду, но проживавшие да-

леко за его пределами. Семья Викентия Богдановича (47 лет) и Виктории (32) с 7 детьми арендовала 80 волок земли в Полоцком уезде и жила «во дворе [в] Горках с крестьянами»²⁰. Вдовец Фрол Добровольский (43 года) с дочерью Марией (11) проживал в Холмском уезде Псковской губернии в поместье «в своем доме»²¹.

Вторая группа очень разнообразна по составу. Например, Антоний Мальчевский (31 год) вместе с женой Барбарой (24) проживал в господском дворе Жежливо «содержателем»²², Иван Реймар-Крживецкий (33) жил у помещика Воронца «на резиденции»²³. Среди подобных резидентов были как родственники хозяев имений, так и совершенно чужие им люди. Из мемуарной литературы известно, что роль лиц, находящихся на содержании хозяев, в домах благодетелей могла быть самой разной. По воспоминаниям Л. Потоцкого, у крупного землевладельца Винцента Тышкевича камергером был шляхтич Камаевский, который не имел никаких обязанностей и «был похож на домашнюю утварь без употребления, к которой привыкли глаза, но без которой казалось, что чего-то не хватает»²⁴ [5, с. 62–63]. Камергер жил в доме Тышкевича в Свислочи до смерти своего благодетеля в 1816 г., а затем перешел «по наследству» отчиму Л. Потоцкого, и главной обязанностью Камаевского стало ежедневное участие в карточной игре [5, с. 62–63].

Однако часто бедным шляхтичам, жившим в чужих домах, приходилось отрабатывать свое содержание. Например, бабушка известного литератора и издателя уроженца Минщины Ф. Булгарина страстно любила вышивание, но с возрастом не могла заниматься им самостоятельно и находила удовольствие в том, чтобы руководить другими вышивальщицами. Она устроила в своем доме в Русиновичах своеобразную мануфактуру, где «более двадцати крепостных девушек, с полдюжины сирот и воспитанниц и несколько бедных шляхтяночек ежедневно занимались вышиванием ковров и обоев» [6, с. 111]. В отличие от мемуарной литературы разобраться по скучным уездным спискам шляхты в том, кто из шляхтичей проживал в имениях (и других населенных пунктах) на содержании хозяев, а кто им служил, порой невозможно. Например, об Иосифе Квецинском (27 лет) и его жене Петронеле (25) сказано, что они не имеют земли и живут в д. Бусово помещика Аполлинария Селявы

¹⁵НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 167–168.

¹⁶Там же. Л. 174–175.

¹⁷Там же. Л. 176.

¹⁸Там же. Л. 20–21.

¹⁹Там же. Л. 23–24.

²⁰Там же. Л. 15–16.

²¹Там же. Л. 51.

²²Там же. Л. 108–109.

²³Там же. Л. 150–151.

²⁴Перевод с белорусского наш. – С. Л.

«при шляхтиче Соколовском»²⁵. Сироты Иосиф (14) и Фома (12) Квещинские жили в застенке Студёнке А. Селявы «при Грабовских»²⁶. Трудно сказать, что в данном случае означает предлог «при»: шляхтичи находились на иждивении или в услужении у Соколовского и Грабовского?

К третьей группе отнесены шляхтичи, служившие в помещичьих имениях. Чаще всего они занимали должности экономов и писарей. Так, Франц Венслицкий (33 года) служил экономом в имении помещика Саковича²⁷. Ту же должность занимал вдовец Петр Домжа (50). Вместе с дочерью Катериной (14) он жил в фольварке Комаровщина у помещика Рудомины²⁸. Семен Дашкевич (25) был экономом в имении Полозерье (*Поль Озеро*) помещика Игнатия Реутта. Вместе с ним в имении проживали его жена Марьяна (27), 2 сыновей и сестра Семена Софья (28). Младший брат Семена Николай Дашкевич (19) уже самостоятельно служил «у разных помещиков»²⁹. Братья заявили, что доказательств на шляхетство не имеют и «где найти оные не знают по причине того, что отец их помер и оставил юными без всякого способа воспитания»³⁰.

Более высокое положение, чем эконом, в имении занимал управляющий. Как правило, среди управляющих встречались шляхтичи зрелого возраста, имевшие за плечами жизненный и профессиональный опыт. В частности, должность управляющего в крупном имении Заболотье помещика Селявы выполнял вдовец Иосиф Висмонт (54 года). С ним проживала взрослая дочь Антония. В Лепельский уезд семья Висмонтов пришла из Борисовского уезда, где Иосиф, вероятно, имел опыт службы³¹. В том же имении Заболотье должность приказчика занимал Петр Василевский (22). В Лепельский уезд Петр пришел из Минского уезда Минской губернии в 1814 г.³²

Переход в поисках работы из уезда в уезд – явление, характерное для малоземельной и безземельной шляхты. Сведения об этом часто встречаются в исторических источниках, в том числе в рассматриваемом списке 1819 г. Так, братья Николай (46 лет), Франциск (43) с женой Агатой (35) и Дионизий (18) Дзерожинские пришли на Лепельщину из Оршанского уезда Могилёвской губернии. Ин-

тересно, что, несмотря на большую разницу в возрасте, первым в списке обозначен юный Дионизий. Возможно, именно он содержал семью, работая писарем в имении Викентия Володковича. Николай во время составления списка был «в отлучке в неизвестном месте», а местожительство Франциска с Агатой не указано. Скорее всего, они проживали вместе с Дионизием³³. Должность писаря в имении Осташево князя Пузыны занимал Андрей Друшкевич (28 лет). Вместе с женой Доминикой (25) и 3 детьми в Лепельский уезд он пришел из Борисовского уезда в 1816 г. Также известно, что во время 5-й ревизии 1795 г. в Российской империи его семья находилась в Дисненском уезде³⁴.

В поисках работы младший брат упоминавшегося эконома Петра Домжи Михаил (18 лет) перешел из Лепельского уезда в Дисненский, где занял должность приказчика. Андрей Домжа (26) был приглашен ловчим в фольварок Заболотье А. Селявы³⁵. Шляхтичи часто занимали в помещичьих имениях должности ловчих. Так, в имении Елены Паношевой «за ловчего» был Стефан Водницкий (40). Вместе с женой Анастасией (25) на Лепельщину он пришел из Вилкомирского уезда Виленской губернии³⁶.

Довольно часто как в рассматриваемом списке 1819 г., так и в других исторических источниках не раскрываются служебные обязанности шляхтичей, а просто указывается, что то или иное лицо находилось «на услужении». Среди таких лиц встречаются люди самого разного возраста. Например, «на услужении» у помещика Цехановецкого был Людвиг Богуславский (36 лет)³⁷. Самым юным среди служащей шляхты Лепельского уезда по списку 1819 г. был 12-летний Доминик Дашкевич, который работал у помещика Игнатия Реутта. Видимо, Доминик был полным сиротой и не имел родственников, так как в списке не указаны не только его родители, но и другие родственники. Как правило, шляхтичи-сироты включались в состав семьи ближайших родственников: братьев, дядей, сестер и др.³⁸

Своеобразными населенными пунктами, исторически сложившимися на территории Речи Посполитой, были местечки. Шляхта Лепельского уезда проживала в местечках Бешенковичи, Чашники,

²⁵ НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 72–73.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 25–26.

²⁸ Там же. Л. 46–47.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 47.

³¹ Там же. Л. 21–22.

³² Там же. Л. 26–27.

³³ Там же. Л. 41–42.

³⁴ Там же. Л. 47–48.

³⁵ Там же. Л. 46–47.

³⁶ Там же. Л. 25–26.

³⁷ Там же. Л. 6 об. – 7.

³⁸ Там же. Л. 47–48.

Казановка, Коптевичи, Кубличи, Пышно, Ула. Особняком стоит семья Кублицких. Филипп Кублицкий-Пиотух (62 года), его жена Магдалена (50) и 3 детей, а также брат Филиппа Александр (59) с женой (52), внесенные в списки лепельской шляхты, проживали в предместье крепости Динамент в Рижской губернии³⁹. Наиболее корректным представляется отнести семью Кублицких к группе жителей местечек, хотя крепость местечком не являлась. Шляхтичи – жители местечек, – как и представители благородного сословия, населявшие деревни и застенки, чаще всего занимались сельскохозяйственным трудом. Например, Василий Деренга (26 лет) содержал свою жену Бригиду (23 лет) и 2 маленьких дочерей, арендуя 3 волюки земли в местечке Пышно⁴⁰.

Представители шляхты Лепельского уезда проживали в городах Лепель, Дисна, Полоцк, Витебск. Как правило, они работали в государственных уч-

реждениях на низкооплачиваемых канцелярских должностях. В частности, в семье Августовичей единственным кормильцем был семнадцатилетний Фома Августович, копиист Лепельского нижнего земского суда. Он содержал свою мать – вдову Аксинью (48 лет), сестер Антонелю (14) и Петронелю (4). Семья арендовала в городе полволюки земли⁴¹. Некоторые шляхтичи проживали в городах в качестве слуг. Так, вдовец Венедикт Реутт (45) вместе с дочерью Каролиной (22) находился в Вильно «на услугах» у дворянки Скуропацкой⁴². Исключением из правил выглядит судьба Викентия Квещинского, который в свои 17 лет не занимался обработкой земли, не служил, а учился. Причем учился в далеком Санкт-Петербурге во 2-м кадетском корпусе, куда поступил в 1815 г.⁴³

В обобщенном виде данные о местожительстве лепельских шляхтичей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Местожительство шляхты Лепельского уезда (1819)

Table 2

Residence of Lepel district gentry (1819)

Местожительство	Численность шляхты обоого пола, чел.	Удельный вес, %
Деревня	1542	45,0
Застенки и околицы	1093	31,9
Имение	372	10,9
Местечко	141	4,1
Город	110	3,2
Неизвестно	168	4,9
Итого	3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁴⁴.

Графа «Неизвестно» в табл. 2 появилась по следующим причинам. Во-первых, невозможно знать, где на просторах Российской империи находились военнослужащие. Во-вторых, в ряде случаев местожительство шляхтичей не называется или указывается в самых общих чертах. Например, о Тадеуше Милевском (35 лет) было известно лишь то, что он служил «за Двиною», куда ушел вместе со своими женой и сыном⁴⁵. Относительно Николая Улькевича (32) в графе «Где живет и чем занимается» просто стоит прочерк⁴⁶. В той же графе напротив фамилии Ивана Чаевского (60) указано: «Ходит по разным

местам» (возможно, нищенствует)⁴⁷. Причем бедность держала в своих жестких объятиях всех представителей семьи Чаевских. Родные братья Ивана Рафаил (25) и Франц (20) также относились к самой малообеспеченной части лепельских шляхтичей. Рафаил был «на услужении» у дворянина Антона Онিকেвича, Франц вместе с женой Теклей арендовал скромную четверть волюки земли в д. Зерничичи у помещика Косова⁴⁸.

Чаще всего неизвестно местожительство именно служащей шляхты, так как в списке в первую очередь фиксировалось не где, а у кого служил человек.

³⁹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–206.

⁴⁰Там же. Л. 49–50.

⁴¹Там же. Л. 3–4.

⁴²Там же. Л. 150–151.

⁴³Там же. Л. 73.

⁴⁴Там же. Л. 1–206.

⁴⁵Там же. Л. 102.

⁴⁶Там же. Л. 184.

⁴⁷Там же. Л. 192.

⁴⁸Там же. Л. 191–192.

Так, о Томаше Сохадольском (22 года) сказано лишь то, что он находился «у адвоката Лыщинского на услужении»⁴⁹.

Из табл. 2 следует, что только 3,2 % шляхтичей проживали в городах, что в два раза ниже среднеимперского показателя. По данным за 1811 и 1825 гг., удельный вес городских жителей на территории европейской части Российской империи составлял 7 % [7, с. 170].

В список шляхты Лепельского уезда 1819 г. включены 3426 человек. Каждое обращение к вопросу о численности высшего сословия на территории Беларуси в первой половине XIX в. неизбежно приводит к обсуждению того, каким образом был поставлен учет этой группы населения в Российской

империи. Вопрос доверия российским статистическим данным неоднократно поднимала в своих работах И. Сикорская-Кулеша. Например, по ее подсчетам, в середине XIX в. в Минской губернии было 57 тыс. шляхтичей в соответствии с генеалогическими книгами, 59 тыс. – в соответствии с данными казенных палат, 80 тыс. – по метрическим данным костелов [8, с. 83].

Основным методом учета населения в первой половине XIX в. являлись ревизии, проводившиеся в России с начала XVIII в. по 1858 г. Анализируемый список шляхты Лепельского уезда 1819 г. дает редкую возможность выяснить, насколько велика была в уезде численность шляхты, не учтенной властями в ходе проведения 5-й ревизии (1795).

Таблица 3

Соотношение учтенной и не учтенной в 1795 г. шляхты (по списку 1819 г.)

Table 3

The ratio of accounted and not accounted Lepel district gentry in 1795 (according to the list 1819)

Группа шляхты (по критерию их учета в 1795 г.)	Численность шляхты, чел.	Удельный вес в общей численности, %
Подавали посемейные списки	1877	54,8
Не подавали посемейные списки	1503	43,9
Неизвестно	46	1,3
Итого	3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁵⁰.

В первой строке табл. 3 указаны численность и удельный вес шляхтичей и членов их семей, которые в 1795 г. подавали посемейные списки не только в Лепельском, но и в любых других уездах. То же можно сказать о содержании второй строки. В качестве основных причин, которые помешали представителям шляхты подать посемейные списки в ходе 5-й ревизии, в документе названы бедность и раннее сиротство. В частности, Михаил Чехович (40 лет) указал, что в 1795 г. не подавал список своей семьи «по бедности своего жилища»⁵¹. Сиротство было распространенным явлением, учитывая высокую смертность в среде лепельской шляхты, начиная с возрастной группы 30–39 лет (см. табл. 1). Именно раннее сиротство стало причиной того, что иногда шляхтичи вообще не могли ответить на поставленный вопрос (они включены в третью строку таблицы). Так, братья Иван (28 лет), Иосиф (26) и Леонтий (21) Кучинские заявили, что не знают, подавали ли их родители списки в ходе ревизии, так как «были малолетними»⁵². В третьей строке также включены шляхтичи, местонахождение которых было неизвестно.

Рассматриваемый список 1819 г. дает возможность выяснить интенсивность перемещений лепельской шляхты в целях поиска более выгодных условий аренды, службы и по другим, в первую очередь семейным, обстоятельствам. В обобщенном виде данный показатель представлен в табл. 4.

Как следует из табл. 4, за четверть века около четверти шляхтичей Лепельского уезда изменили свое местожительство, и это очень высокий показатель. Кроме того, трудно допустить, что территория лесной и озерной, удаленной от ведущих административных и культурных центров Лепельщины стала местом притяжения для шляхты бывшего Великого княжества Литовского. Скорее всего, большая разница между теми, кто в уезд прибыл, и теми, кто из него убыл, объясняется лишь проблемами слабого учета выбывших. Таким образом, реальная подвижность шляхты была выше указанной в табл. 4. Встречаются примеры, когда за прошедшие со времени 5-й ревизии годы шляхтичи неоднократно меняли свое местожительство. Например, канцелярист Ксаверий Сакович (37 лет) прибыл

⁴⁹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 178.

⁵⁰Там же. Л. 1–206.

⁵¹Там же. Л. 191–192.

⁵²Там же. Л. 83–84.

в Лепельский уезд из Минского в 1815 г., однако известно, что в ходе ревизии 1795 г. он находился в Динабургском уезде, где и был записан⁵³. Управляющий именем Поречье помещика Цехановец-

кого Фома Пухальский (60) с семьей в Лепельский уезд «зашел» из Борисовского уезда Минской губернии в 1813 г., но уже в 1814 г. отправился на службу в Копысский уезд Могилёвской губернии⁵⁴.

Таблица 4

Мобильность шляхты Лепельского уезда с 1795 по 1819 г.

Table 4

Mobility of Lepel district gentry in the period from 1795 to 1819

Группа шляхты по критерию мобильности	Численность шляхты, чел.	Удельный вес в общей численности, %
Проживает в уезде «с древних лет»	2606	76,0
Переехали	Прибыли	734
	Убыли	86
	Всего	820
Итого	3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁵⁵.

Интересна география перемещений представителей шляхты. В Лепельский уезд они приезжали не только из Велижского, Дисненского, Полоцкого, Городокского уездов Витебской губернии, но также из Браสลавского, Тельшевского уездов Виленской губернии, Сенненского, Оршанского, Копысского уездов Могилёвской губернии, из Псковской и Подольской губерний. В документе существует даже «Видзский уезд», хотя на самом деле Видзы не являлись уездным городом и в рассматриваемый период входили в состав Браславского уезда. Относительно семьи Людвиг Костевича (49 лет) при-

сутствует еще одна удивительная формулировка: «Прибыли из княжества Варшавского в 1787 г.»⁵⁶. Запись привлекает внимание не только отсутствием на карте мира «княжества Варшавского» в конце XVIII в., но и упоминанием самой ранней даты в списке – 1787 г. В целом список шляхты Лепельского уезда демонстрирует ту структуру сословия, которая сложилась в Речи Посполитой. За полвека, прошедшего после первого раздела Речи Посполитой, российская власть не повлияла на основные формы жизнедеятельности, брачные традиции, мобильность лепельской шляхты.

Выводы

Таким образом, анализ поуездных списков шляхты является весьма продуктивным для исследования социально-экономических параметров жизнедеятельности благородного сословия. Он позволяет высвечивать разные грани многомерного полотна под названием «шляхетская история», герои которой становятся нам ближе и понятнее. Несмотря на то что уездные списки часто отражают довольно разнородные параметры, каждый из них является своего рода фрагментом пазла, увеличивающим площадь общей картины. На основании анализа уездного списка шляхты Лепельского уезда Витебской губернии сделаны следующие выводы:

- земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни (45 % общего

количества шляхтичей уезда), околицы (встречаются крайне редко) и застенки (31,9 %);

- численность жителей каждого из более 120 застенков, как правило, не превышала 20 человек;

- около 4,1 % шляхтичей Лепельского уезда проживали в местечках, их образ жизни практически не отличался от образа жизни жителей сельских населенных пунктов;

- удельный вес шляхтичей-горожан в Лепельском уезде составлял всего 3,2 %, что было вдвое ниже среднеимперского показателя (7 %);

- в помещичьих имениях проживали 10,9 % лепельских шляхтичей в качестве владельцев земли по праву собственности, закладному и арендному праву, а также лиц, находящихся на содержании у хозяев имения, или должностных лиц, обслуживавших имение;

⁵³НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 156–157.

⁵⁴Там же. Л. 137–138.

⁵⁵Там же. Л. 1–206.

⁵⁶Там же. Л. 69–70.

- в связи с частой переменой мест проживания и слабым уровнем учета неподатных групп населения в Российской империи выяснить местожительство 4,9 % шляхтичей Лепельского уезда не удалось;
- лепельская шляхта отличалась высоким уровнем мобильности: в период с 1795 по 1819 г. не менее 24 % шляхтичей изменили свое местожительство, что серьезно затрудняло учет этой категории населения в Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Луговцова СЛ. Лепельская шляхта: основные виды деятельности в первой трети XIX в. В: Яновский ОА, редактор. *Российские и славянские исследования. Выпуск 11*. Минск: БГУ; 2016. с. 18–23.
2. Козловский ПГ. *Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в.* Минск: Наука и техника; 1982. 204 с.
3. Hammel E, Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures. *Comparative Studies in Society and History*. 1974;16(1):73–109. DOI: 10.1017/S0010417500007362.
4. Луговцова СЛ. К вопросу о брачной структуре белорусской шляхты в первой четверти XIX в. У: Яноўская ВВ, Зянюк РУ, укладальнікі. *Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі*. Даніловіч ВВ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 112–119.
5. Патоцкі Л. *Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану*. Саламевіч ІУ, перакладчык. Мінск: Полымя; 1997. 269 с.
6. Булгарын Ф. *Выбранае*. Фядута А, укладальнік. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2003. 592 с.
7. Кошман ЛВ. *Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты*. Москва: РОССПЭН; 2008. 448 с.
8. Sikorska-Kulesza I. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*. Pruszkow: Ajaks; 1995. 113 s.

References

1. Lougovtsova SL. The main activities of Lepel district gentry at the first third of the 19th century. In: Yanovskii OA, editor. *Rossijskie i slavyanskije issledovaniya. Vypusk 11* [Russian and Slavic studies. Issue 11]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 18–23. Russian.
2. Kozlovskii PG. *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Belorussii v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Land tenure and land use in Belarus in the 18th – the first half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1982. 204 p. Russian.
3. Hammel E, Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures. *Comparative Studies in Society and History*. 1974;16(1):73–109. DOI: 10.1017/S0010417500007362.
4. Lougovtsova SL. [To the question of the marriage structure of the Belarusian gentry in the first quarter of XIX century]. In: Janovskaja VV, Zjanjuk RU, compilers. *Gistaryjagrafija i krynicy vyvuchjennja gistoryi Belarusi: tradycyi i navacyi* [Historiography and sources of studying the history of Belarus: traditions and innovations]. Danilovich VV, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 112–119. Russian.
5. Patotski L. *Uspaminy pra Tyshkevychavu Svislach, Dzyarechyn i Ruzhany* [Memories about Tyszkiewicz' Svisloch, Derechin and Ruzhany]. Salamevich IU, translator. Minsk: Polymja; 1997. 269 p. Belarusian.
6. Bulgaryn F. *Vybranae* [Selected works]. Fiaduta A, compiler. Minsk: Belaruski knigazbor; 2003. 592 p. Belarusian.
7. Koshman LV. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia of the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN; 2008. 448 p. Russian.
8. Sikorska-Kulesza I. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*. Pruszkow: Ajaks; 1995. 113 s.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2018.
Received by editorial board 22.11.2018.